

УДК 141.319.8

Н.А. Хафизова

МАСКУЛИННОСТЬ И ФЕМИННОСТЬ КАК СТИЛИ (НА ПРИМЕРЕ ИССЛЕДОВАНИЙ МАРГАРЕТ МИД)

Статья посвящена проблеме источников формирования гендерно-половой идентичности. Выдвигается модель гендера, в которой его содержание (социальные роли) определяется культурной средой (ожиданиями, практиками), но сам по себе он является формой – стилем; в связи с этим он связан не со списком сфер деятельности, закрепленных за разными полами, гендер описывает то, как мужчины и женщины раскрывают себя в любых сферах жизни общества и в отношениях друг с другом; он – не список ценностей, прочно ассоциирующихся с тем или иным полом, а то, как организовано пространство одних и тех ценностей, что рождает оттенки бытования последних в пространстве жизни мужчины или женщины. Ядром гендера как стиля являются жизненные стратегии субъекта. Их присутствие демонстрируется на основе анализа материала исследований М. Мид, который интересен тем, что долгое время ее работы привлекались для обоснования *только* культурогенности гендера. Однако автор статьи, исследуя материалы описания жизни в трех племенах (чамбули, арапеша, мундугуморы), показывает, что в текстах М. Мид присутствуют указания на константы, одной из которых является жизненная стратегия. В статье делается вывод о том, что маскулинность и феминность – в их повседневном бытовании – хотя и являются результатом культурной огранки, но коренятся они в самом человеке – в формах его самосознания (в том числе в отношении своего тела), ценностной коннотативности сознания и архитектурного устройства бессознательного.

Ключевые слова: антропология, культурология, гендер, пол, маскулинность, феминность, жизненная стратегия.

Одной из проблем, вставшей перед современным человеком и активно осмысляемой философами, психологами, культурологами, социологами, стала проблема идентичности человека, в данном случае его гендерно-половой идентичности. Внутренняя логика развития феминистской мысли во второй половине XX – начале XXI века привела к возникновению постфеминистской трактовки гендерной идентичности в виде предъявления философскому дискурсу модели, в которой гендер предстал текучим, изменяющимся, иницирующимся той или иной культурной средой и фактически оторванным от половой определенности человека.

Данная статья ставит своей целью показать, не отрицая значимости социокультурных практик для содержательного наполнения гендера, укорененность последнего в самом человеке, представив понимание гендера в качестве *стиля*. Стиль – это совокупность признаков, характеризующая внешние проявления (с греч. *μορφή* – чувственно воспринимаемая форма) какой-либо идеи, сущности (с греч. *ἕδος* – умопостигаемая форма). В отношении гендера это означает следующее: наличие маскулинности и феминности в качестве стилей

имеет некое сущностное основание (ядро, идею), которое является инвариантом по отношению к содержательному наполнению социальных ролей.

Идея опереться для достижения этой цели на исследования М. Мид не случайна, так как её довольно часто видят в качестве той, чьи исследования предоставили богатейший материал для обоснования культурогенности гендерно-половой идентичности человека. Именно поэтому было интересно в её описаниях и анализе жизни разных племен увидеть те латентные элементы, которые указывают и на то, что гендерно-половая идентичность производится и самой природой человека – биологической и духовной – тоже. Думается, что ядром последней можно назвать *жизненные стратегии*. Представлению данного концепта и его демонстрации на примере жизни различающихся по содержанию половых ролей племен, описанных М. Мид, и посвящена данная статья.

Сама М. Мид в своих поздних работах не раз указывала на то, что половые роли отражают не только социокультурную реальность того или иного общества, но и антропологическую, я бы сказала, антропологическое в культуре. При этом М. Мид особое внимание уделяет роли тела в процессе формирования гендерно-половой идентичности, более конкретно – процессу освоения собственного тела – его устройства и процессов (особенно она имеет в виду кормление и процесс выделения, а также рождение, смерть, половой акт). Интересно, что С. де Бовуар в книге «Второй пол» [1, с. 320] также уделяет место описанию того, как мужчины и женщины открывают для себя особенности телесной организации, что, по её мнению, оказывает влияние на способ восприятия и мира в целом (можно сказать, дуалистический – у мужчин и синкретический или синтетический – у женщин)¹.

Указывая на безусловную значимость культурных практик (в основном ритуальных для тех обществ, которые она исследовала), ведущих к многообразию вариаций распределения ролей между мужчинами и женщинами, М. Мид тем не менее говорит и о том, что во всех культурах существует нечто общее – наличие, по сути, социокультурных институтов, утверждающих эксклюзивную специализацию мужчин. Так, она пишет: «...во всех известных человеческих обществах признается потребность мужчины в свершениях и подтверждении их достижений», и далее: «В каждой культуре такие формы самоудовлетворения конструктивной деятельностью для мужчин были в той или иной мере выработаны, без искажения или ущемления их мужского достоинства» [2, с. 154–155]. Данные утверждения говорят о том, что по крайней мере у мужчин при-

¹ Так, идея души и тела, интерпретация их отношений как борьба или гармония вполне выводятся из мужского/женского осознанного самоощущения. Причем понятно, что культура чаще всего выступает посредником для организации восприятия собственного тела, вплоть до предписания нужных ракурсов. Тем не менее все равно остается что-то, относящееся к непосредственному переживанию собственной телесности. Так, как бы женщине ни объясняли устройство ее тела (половых органов), ни обрисовывали, оно все равно остается для нее принципиальной загадкой, сферой неведения, чего нельзя сказать в случае восприятия мужчиной своего тела. Культура влияет на отношение к телу, на интерпретацию ощущений, но не устраняет его на уровне непосредственных ощущений.

сутствуют особенности в их самопредставлении, самосознании; скорее всего, они наличествуют и у женщин, но М. Мид ничего фактически не говорит об этом. Может, это связано с её справедливым замечанием относительно того, что именно мальчики оказываются в ситуации необходимой самоидентификации в качестве *иного* в отношениях с матерью [2, с. 147].

Гендерно-половые реалии. Маскулинность и феминность – это основные формы гендерных проявлений. Сам же гендер, на наш взгляд, является реальным выразителем пола (а не источником формирования последнего, как это видится постфеминизмом²) в определенных социкультурных условиях.

Пол связан с тем, *что* есть мужчина и женщина, он напрямую связан с телесной организацией; гендер же более выражает то, *как* пол предьявляет и реализует себя в обществе и культуре. Это самое *как* – есть, в числе прочих факторов, выражение непосредственного и отрефлексированного опыта самосознания в отношении собственного тела. Гендер – это стиль, это – не список сфер деятельности, закрепленных за разными полами, это описание того, *как* мужчины и женщины раскрывают себя в любых сферах жизни общества и в отношениях друг с другом; это – не список ценностей, прочно как будто ассоциирующихся с тем или иным полом, а то, *как* организовано пространство одних и тех ценностей, что рождает оттенки бытования последних в пространстве жизни мужчины или женщины. Последние могут заниматься одним и тем же, но по-разному, ибо стиль предполагает наличие специфических способов активности и некую «сверхцель», их пронизывающую³. Эта самая «сверхцель» и составляет ядро жизненной стратегии (о ней – ниже).

Именно поэтому, во-первых, в разных культурах содержательное наполнение ролей может быть различным до противоположности, а, во-вторых, феминность мужчины никогда не тождественна феминности женщины, как их маскулинные проявления. Сам стиль проистекает из двух источников.

Первый – социокультурные практики, которые активизируют, поддерживают или подавляют одну из жизненных стратегий, а также формы их взаимодействия (конфликт или гармония) посредством стереотипизации сознания. Второй – антропологическая реальность в её биологическом (телесное устройство, гормоны, хромосомный набор, даже набор инстинктов, рефлексов⁴)

² В концепции постфеминизма гендер трактуется таким образом, что, по сути, становится симулякрот. Думается, что такое понимание не только отражает самоотчуждение человека, проявляющееся в кризисе идентичности, но и способствует его дальнейшему закреплению, так как, будучи симулякрот (неподлинным бытием), принимается за саму реальность.

³ Кстати, именно радикальный феминизм и постструктурализм в лице Ю.Кристовой, Ж. Дерриды, Р. Барт обратили внимание на уникальные женский/мужской стили письма, чтения, мышления. Да и само слово «гендер» в переводе с французского означает «жанр, стиль».

⁴ Стоит вспомнить теорию Жильбера Дюрана о трех базовых инстинктах/рефлексах (поглощать, тактильный контакт с другим, вставить), которые, будучи представленными в каждом, разоблачаются как основа для мужского/женского стилей жизни: диурн (борьба), драматический (синкретичность) и мистический ноктюрн (синтез). В этом смысле даже на уровне этих рефлексов человек «двупол», хотя иной пол и остается в качестве неперменного фона.

и духовном (самосознание, архетипы⁵) аспектах в их взаимной корреляции или противостоянии. Поэтому уместнее говорить, что гендер в качестве стиля есть итог флуктуаций самосознания, подвергшихся культурной огранке того или иного общества [3].

Жизненные стратегии. Жизненная стратегия есть выражение связи действующего субъекта с объектами; причем именно она является системообразующим элементом и этих отношений, и самого субъекта. Жизненная стратегия превращает внутреннее и внешнее пространства субъекта в единое целое смысловое поле его жизни. Она, как и стиль, есть не *что*, а *как*.

Источником формирования жизненной стратегии является самосознание. Во-первых, оно дает о себе знать, как было сказано, в своей активности в отношении собственного тела: самочувствование принадлежности тела себе, фиксирование состояний удовольствия и страдания, понимание происходящего с телом, волевое управление им, а также – в возникновении единиц бессознательного в столкновении с *желанием* и *неведением* относительно тела. Во-вторых, активность самосознания не только приобщает через культуру к множеству социальных практик предъявления себя-в-мире, но и предъявляет варианты своего бытования, что и есть жизненные стратегии.

Самосознание само по себе не имеет половой окраски, но в своей активности – внутренней и внешней (а других-то и нет) – оно порождает два варианта отношения к миру, в идеале коррелирующих с биологическим фоном. Одна из них делает ставку на внешнюю активность – самоутверждение (мужская), другая – на внутреннюю, на освоение мира (женская). И в силу того, что в каждом человеке самосознание активно в обеих формах, маскулинность и феминность присутствуют в каждом мужчине и женщине при лидерстве одной из них [4, с. 36–38], образуя либо стратегию приоритета самоутверждения в мире перед его освоением, либо стратегию освоения мира перед самоутверждением себя в нем⁶. Вкратце суть этих стратегий выглядит следующим образом.

Приоритет самоутверждения над освоением говорит о том, что *иное* (объект) чаще всего воспринимается в качестве того, что следует покорить, преобразовать в соответствии со своими интересами, что, по сути, есть борьба. Это такой активный вариант самоутверждения в мире. Освоение в рамках этих отношений имеет два смысла. Первый, естественный, – самоусложнение, са-

⁵ Архетипы – это матрицы, это чистые формы, имеющие под влиянием индивидуального самосознания конкретное и различное содержание; они – результат оформленного в культуре спонтанного проявления феминности и маскулинности в типичных – повседневных или экзистенциально-предельных – ситуациях.

⁶ Следует заметить, что данные стратегии и их сочетания присущи любым субъектам деятельности: от отдельного индивида до локальных цивилизаций. В сложных социокультурных системах эти стратегии приобретают вид устойчивых тенденций, качество инертности. На уровне же человека, конкретных мужчин и женщин они представляют собой единую динамическую систему. Само название выделенных стратегий у человека «мужская» и «женская» обусловлено их проявлением в архетипических образах, стилистикой мышления (что отражает и функциональные особенности мужского/женского мозга) и корреляцией с гормональным составом организма.

моразвитие в процессе диалога с иным; таким образом понятое освоение в отношении самоутверждения может быть выражено так: «Осваивать ровно столько, сколько требуется для самоутверждения». Второй смысл освоения проявляется как результат такого самоутверждения в ином, когда происходит усложнение собой и через себя внешнего мира как присвоение его себе. Это проявляется, например, в таких выражениях, как «освоить целину», «освоение земель североамериканских колоний» и т.п., что отражает именно контекст внешнего подчинения, а не внутреннего освоения.

В *приоритете освоения над самоутверждением* первое является целью, второе – средством. *Иное* в этой перспективе воспринимается как ресурс собственного развития, который ценен сам по себе, а значит, следует иное не покорять, а себя под него изменять; речь идет о преобразении иного в себе, о внутреннем самоусложнении. Самоутверждение в этом варианте имеет две стороны. Первая – это активное самоутверждение как преобразование иного под себя; взаимоотношение активного самоутверждения и освоения можно описать так: «самоутверждаться настолько, насколько это необходимо и достаточно для освоения мира». Вторая сторона самоутверждения, отражающая процесс освоения иного, – это сохранение своей идентичности в диалоге с иным, в самоизменении.

Самоутверждение порождает процессы борьбы, соревновательности, отделения себя, проведение границ. Освоение связано с потребностью упорядочить, установить связи между частями, создавая единое целое. Процесс самоутверждения дискретен, он связан с результативностью, освоение же имеет непрерывный характер, и в нём процесс и результат синкретичны.

Мужская активность более направлена вовне, женская активность – этакая восприимчивость как форма внутренней активности. Мужское в связи с его жизненной стратегией более ориентировано на иерархические отношения, социальный порядок, правила, справедливость, тогда как женское – на горизонтальные, межличностные отношения, спонтанность, милосердие, заботу, о чём замечательно говорит К. Гиллиган в своем исследовании «Иным голосом», анализируя детские игры [5].

Посмотрим теперь сквозь призму этих стратегий на материал, предоставленный М. Мид, скрупулезные этнографические описания которой превосходны и позволяют увидеть не только механизмы оформления гендерно-половой идентичности, но и источники её гармоничного или дисгармоничного функционирования. Гармоничность предполагает, во-первых, присутствие и маскулинности, и феминности в каждом мужчине/женщине при лидерстве одной из них (ибо выдвигание одного из начал чревато, по законам диалектики, неполноценным функционированием оставшегося), а во-вторых, предоставление социокультурной реальностью возможностей её реализации, дабы маскулинность или феминность предстали в своем зрелом варианте, а не в инфантильном⁷.

⁷ Причем здесь речь идет не о личностной инфантильности, связанной с отсутствием самостоятельности, неразвитым чувством ответственности и т.п., а именно – о неразвитости одного из

Жизненные стратегии в действии (на примере племен Океании, описанных М. Мид). В своих размышлениях относительно собранного материала М. Мид говорит, что половые (у нас – гендерно-половые – Н.Х.) роли могут быть различны. Однако, думается, они таковы не потому, что являются *только* результатом воздействия внешних условий, они результат тесного взаимовлияния географических и социальных реалий с духовной и биологической природой человека. Так, помня о возникновении гендерного неравенства по Марксу, можно предположить, что не всегда возникновение власти мужчины связано с его экономическим превосходством (ведь женщина подчас работала больше мужчины и, значит, по закону «престижной экономики» должна была иметь больше собственности). Чаще всего наличие или отсутствие власти у мужчин отражало уровень выраженности его личностного начала; последнее же выражает то, насколько получилось преодолеть зависимость от женщины (матери, в первую очередь), чего не требовалось от подрастающих девочек, а также способность мужчины реализовывать жизненную стратегию самоутверждения.

Как ни хотела сама М. Мид уйти от традиционного (причем европейского) взгляда на гендерно-половую идентичность, ей это полностью не удалось, ибо осмысливала она *содержание* ролей, а не то, *как* они игрались. Так, например, феминность женщин напрямую связывается ею *только* с институтом материнства, а маскулинность мужчин – с социальной активностью. Однако женственность как уникальная форма бытования телесно-душевно-духовной целостности проявляется не только – а, может, даже и не столько – в материнстве, сколько во взаимоотношениях с противоположным началом. Ведь если женщина не стала матерью, это не означает её неженственности. Более того, в материнстве вообще много мужского, хотя последнее и отличается по своим проявлениям от того, как оно бытует в отцовстве. Так же дело обстоит и с маскулинностью. Отцовство (совершенно права М. Мид – Н.Х.) в отличие от естественно-природного материнства является социальным изобретением, но если к нему приглядеться, то оно стало возможным в результате активизации в мужчине феминности с её стратегией на единение и заботу (при этом мотив активной защиты позволяет маскулинности сохраняться в полной мере). Да и социально активная женщина не всегда реализует маскулинность, всё дело в той сверхзадаче, которую она решает.

Далее, культивирование *иного по содержанию* М. Мид связывает с лидерством *иного* начала в мужчинах/женщинах: где-то это оправданно, а где-то – не совсем корректно. Рассмотрим три племени, в которых М. Мид встретила с иной, отличающейся от европейской, длительное время пропитанной патриархальными отношениями, цивилизацией, расстановкой ролей в отношениях между мужчинами и женщинами. Рассмотрим и убедимся, что, несмотря на их ина-

начал, невозможности (нет способности и/или потребности, и/или внешних условий) реализовывать полноценно одну из стратегий. Крайними формами гендерно-половой инфантильности можно считать жено(муже)ненавистничество, а также феномены «маменькиных сынков» или «папиных дочек».

ковость и отличность друг от друга, жизненные стратегии – это то, что остается в них неизменным (они – этакий инвариант, на который она сама обратила внимание, но не довела до теоретического осмысления).

Чамбули. М. Мид, описывая жизнь этого племени, охарактеризовала мужчин как феминных, а женщин как маскулинных. Здесь мужчины стали выполнять женские обязанности (почему и как это произошло, Мид не описывает, но ко времени её экспедиции дела уже обстояли так), что усилило в них феминные черты, а реальная власть оказалась у женщин. Но вот вопрос: означало ли это, что маскулинность и феминность поменялись местами? Видится, что ни в коей мере! М. Мид, давая описание характера социальной активности женщин этого племени и времяпрепровождения мужчин, просто не замечает, что за этой внешней, как будто иной для них, формой стоит их природа (стратегия самосознания).

Так, активная позиция женщин не обладала поистине маскулинными свойствами: женщины не самоутверждались во внешней активности, а своими действиями обесценивали войну, насилие и делали ставку на устойчивость и единение.

Мужчины же, занимавшиеся воспитанием детей, наряду с исполнением женских обязанностей (так, как их содержание понимали европейцы) всюду проявляли свою маскулинность в отношениях друг с другом. Главный показатель – соперничество по любому поводу; при этом реальная военная доблесть уступила место конкуренции в количестве трофеев, которые зачастую банально покупались; многие из них вели себя неврастенично (неврастения, по А. Адлеру [6, с. 63], – это *мужская* реакция на отсутствие реальной власти над ситуацией, с направлением агрессии на себя). Данное состояние у мужчин было вызвано тем, что в племени чамбули отсутствовали социокультурные институты, позволявшие им реализовывать свою стратегию, отсюда – невротичность. Последняя явила себя не столько из-за несоответствия социальным ожиданиям, сколько из-за игнорирования одной из стратегий; невроз – это изворотливый способ самопроговаривания подавляемой стратегии.

Если вчитаться в её текст, то можно увидеть, что самоутверждение, как стремление к власти над ситуацией – у мужчин и освоение как нацеленность на единение, синтез – у женщин этого племени вполне очевидно говорят о присутствии жизненных стратегий маскулинности и феминности, даже если их *содержательное* наполнение *кажется* инородным.

Горные арапешы. В племени горных арапешей оба пола, по мнению М. Мид, были феминны. Это проявлялось, например, в том, что методами воспитания детей были только забота, добродушие, некритическое любование своими детьми и культивирование в детях неагрессивного поведения (хотя агрессия детям была дозволена, но в отношении любого предмета, а не человека). Дополнительным аргументом в пользу феминности обоих полов был феминный, с точки зрения М. Мид, характер сексуальных практик. Поскольку сексуальная активность обоих полов была минимальна, они длительное время были способны жить друг с другом как брат и сестра, а сам секс более был реакцией на внешнюю ситуацию, а не инициировался собственным желанием.

Думается, что в последнем замечании М. Мид вновь воспроизводит европейский стереотип о том, что сексуальная активность мужчин – имманентна, а у женщин она производится ситуацией (их активность есть отражение желания мужчины ими обладать). Но ведь дело не в наличии или отсутствии активности, а в том, *как* она осуществляется, какими переживаниями сопровождается. Тот факт, что сексуальная активность контролируется во имя рождения, нового зачатия и вынашивания детей как раз говорит о наличии мужского мотива сексуальности – власти. Ибо женский сексуальный мотив – интенсивность сексуальных переживаний⁸.

Хотя у арапешей наблюдался безусловный приоритет женского начала в обоих полах⁹, это не означало неприменную дисгармоничность мужчин. Само развитие этого варианта приоритетности отражало характер приспособления к природным условиям (горы, удаленность от иных племен, замкнутость, совместный труд), что развило в людях созерцательность, а также минимизировало агрессивность. Последнее связано с тем, что в этих природно-социальных условиях не инициировались конкуренция, возникновение индивидуальности, что проявилось в отсутствие личных имен, профессионализма¹⁰ в любой деятельности и т.п. Таким образом, здесь мужское развитие не прошло стадию качественного сепарирования от женщины, хотя её зачатки и имеются в конкретизации деятельностной специфики: дело женщины – рожать и растить детей (хотя мужчины активно участвуют в последнем тоже), мужчины – управлять, кормить (охота, огородничество).

Относительно власти мужчин в этом обществе М. Мид [9] говорит, что сами мужчины рассматривают власть не как привилегию, а как обязанность, от которой с удовольствием отказываются, когда вырастает старший сын. Ценности заботы о росте чего-либо, совместного труда (особенно для мужчин), гармонии-баланса абсолютны в социокультурном пространстве арапешей. Однако ценность ответственности прививается *только* мальчикам, что активизирует в них маскулинность, ибо запускает волю не как чистую спонтанность¹¹, а как самоконтроль и самоуправление из чувства долга перед общиной.

При ярко выраженной феминности в поведении мужчин у арапешей фактически не встречаются невротические типы. Причина этого в том, что отсутствует контроль над эмоциями мальчика: плакать разрешается свободно.

⁸ Мотив власти, выражающийся в контроле за сексуальными практиками, замечательно раскрыт М. Фуко [7], а особенности женской сексуальности показаны в исследованиях Э. Гросс и Т. Лаурентис [8].

⁹ Следует помнить, что феминность мужчины и женщины – не тождественные вещи!

¹⁰ Профессионализм – это не содержание деятельности, а её стиль, что, по нашему мнению, является выражением именно мужской стратегии самоутверждения и совершенствования мира, а не гармонизации последнего.

¹¹ Воля как чистая (иррациональная) спонтанность – это феминный вариант бытования воли, который, как видится, в истории философской мысли был описан А. Шопенгауэром. Рациональная воля как маскулинный модус воли в наиболее развитом виде представлена у И. Канта. Данные «гендерно-половые» коннотации воли можно увидеть и в отношении реализации ценностей.

Но, самое важное, у арапешей имеется специальный социальный институт – институт буанъинов – для поддержания мужской жизненной стратегии если не на общесоциальном уровне, то на межличностном. Суть его такова. С 10 лет мальчику¹² назначается буанъин, который при каждом удобном случае задирает первого, вызывая в нем дух агрессии и соперничества. Так же мужская стратегия самоутверждения реализуется в борьбе за женщин. И еще, будучи кроткими и миролюбивыми в отношениях внутри племени, арапеша-мужчины часто переносят свои обиды на чужаков, высмеивая их, а иногда решаясь на агрессивный поступок (который, правда, тут же толкуется как «временное помешательство»).

Мундугуморы. Этот тип культуры М. Мид описала слабее всего, так как, судя по ее же тексту, она всей своим существом не могла принять жестокого отношения мундугуморов к собственным детям.

В этом племени, по мнению М. Мид, была ярко выражена маскулинность обоих полов. Бесконечные войны за земли вдоль реки, канибаллизм, система родства, которая усиливала конкуренцию между представителями одного пола и у женщин, и у мужчин, инициация обоих полов (последнее означало, что момент отделения, специализации мужчин и женщин ушел в прошлое) порождали открытую агрессивность и сексуальность как явно маскулинные черты. В дополнение к сказанному – отсутствие систематической заботы о детях, их воспитания, а подчас выражение явной отягощенности самим фактом наличия детей.

Данная культура, по сути, является примером того, что происходит, когда одна из стратегий (в данном случае – освоение мира, развитие себя) практически подавлена, но время от времени все же прорывается спонтанно. Во-первых, это видно в массовых проявлениях истеричности у женщин (А. Адлер [6, с. 63] показал, что истерия – это *женская* реакция на неспособность приспособливаться к ситуации, изменяться, когда внутренняя активность направляется во вне для самоутверждения в борьбе за внимание и власть). Во-вторых, при всеобщем неприятии детей наблюдается тяга родителей к детям противоположного пола, где есть как прагматический момент (использовать их в борьбе), так и психологический: это выражение настоящей *тоски* по себе же в глазах другого. Ведь дети *постепенно* проходили культурную огранку, и поэтому в них некоторое время сохранялось наличие обоих жизненных стратегий, пусть и в маскулинном варианте их соподчинения, так что мотив заботливой защиты у отцов по отношению к дочерям было временным пробуждением феминности в них же самих, как и забота о сыне со стороны матери являлось реализацией женского варианта любви (любви-служения) хотя бы в отношении пусть и маленького, но мужчины.

¹² А ведь именно с этого возраста возникает опасность формирования и закрепления невротического поведения.

Основные выводы. Таким образом, там, где М. Мид увидела смещение маскулинности и феминности, на самом деле она зафиксировала всего лишь иную расстановку акцентов в содержании мужских/женских ролей, тогда как инвариантную их составляющую – мужской/женский стили – не заметила, хотя и указала на возможность наличия чего-то устойчивого в содержании и укорененного в самом человеке. Думается, со всей определенностью можно сказать, что жизненные стратегии и являются ядром этого самого инварианта. Последний же имеет более отношение к тому, *как* осуществляется активность, а не *что* составляет её содержание, ибо последнее имеет цель, обусловленную той или иной культурой (и потому вариативность здесь высока), а первое как стиль – сверхцель, укорененную в самом сознании и бессознательном (в форме архетипов) человека.

Маскулинность и феминность – в их повседневном бытовании – хотя и являются результатом культурной огранки, но коренятся в самом человеке – в самосознании, в том числе и в отношении своего тела (пола). Культура, содержательно, всегда есть форма приспособления конкретной группы людей к определенным природным условиям и иному – в отношении себя – социальному окружению. Культурные практики (традиции, обычаи, социокультурные институты, воспроизводящие ту или иную коннотацию¹³ ценностного содержания культуры, воплощающиеся в нормативности) создают условия для активизации той или иной жизненной стратегии, а также рисунка и качества её взаимоотношений с другой.

Список литературы

1. Бовуар С. де. Второй пол. – М.: Прогресс; СПб.: Алетейя, 1997.
2. Мид М. Мужское и женское. Исследование полового вопроса в изменяющемся мире. – М.: РОССПЭН, 2004.
3. Хафизова Н.А. Мужчина и женщина: между антропогенностью и культурогенностью пола // Философия и культура. – 2013. – № 10 (70). – С. 1436–1446. DOI: 10.7256/1999-2793.2013.10.6896
4. Хафизова Н.А. Как возможны мужское и женское? // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Культура, история, философия, право. – 2012. – № 6. – С. 38–46.
5. Гиллиган К. Иным голосом: психологическая теория и развитие женщины // Этическая мысль: науч.-публ. чтения. 1991 / под общ. ред. А.А. Гусейнова. – М.: Республика, 1992.
6. Колесников В.Н. Лекции по психологии индивидуальности. – М.: Изд-во Ин-та психологии РАН, 1996.

¹³ В одной и той же ценности, например в свободе, различные культуры делают свои смысловые акценты.

7. Фуко М. Использование удовольствий. История сексуальности. Т. 2 / пер. с фр. В. Каплуна. – СПб.: Академический проект, 2004.

8. Жеребкина И.А. Прочти мое желание... – М.: Идея-Пресс, 2000.

9. Мид М. Пол и темперамент в трех примитивных обществах [Электронный ресурс] // М. Мид Культура и мир детства. Избранные произведения. – URL: http://lib.uni-dubna.ru/search/files/ps_mid_kult/ps_mid_kult_2.htm#5 (дата обращения: 14.07.2014).

Получено 02.07.2015

N.A. Khafizova

MASCULINITY AND FEMINITY AS THE STYLES (ON THE EXAMPLE OF MARGARET MID'S RESEARCHES)

The article is devoted to the problem of sources of gender and sexual identity. The gender model in which it by all means is implanted in the person, in understanding of the own body is. The gender is understood in such a way that its contents (social roles) is defined by the cultural environment (expectations, practices), but in itself it is a form – style which kernel are strategy of life of the subject. Their presence is shown on the analysis of material of researches M. Mid which is interesting to that long its works were attracted for justification only of a gender is created by culture. However the author of article shows that at M. Mid's texts there are instructions on constants one of which is – strategy of life.

The article is devoted to the problem of sources of formation of gender and sexual identity. The gender model in which its contents (social roles) is defined by the cultural environment (expectations, practices) is put forward, but in itself it is a form – style; in this regard, it is connected not with the list of activity fields assigned to different sexes, the gender describes the way men and women open themselves in any spheres of social life and in the relations with each other; it is not the list of values associated with the man or the woman, but the way the space of those values is organized that gives rise to shades of their existence in life space of the man or the woman. A gender kernel as a style is life strategies of the subject. Their presence is shown on the basis of the analysis of research of M. Mid which is interesting as long as her works were used only for justification of the gender as a culture creator. However, the author of the article, investigating materials of the description of life in three tribes (chambul, arapesh, mundugumor), shows that in M. Mid's texts there are indications of the constants one of them being vital strategy. The article concludes that the masculinity and femininity – in their daily existence – though presenting the result of a cultural development root in the person himself – in the forms of his consciousness (namely, regarding his body), valuable accents of consciousness and the archetypical design of the unconscious.

Keywords: anthropology, cultural science, gender, sex, masculinity, femininity, strategy of life.